

Научная статья

УДК 332, 339

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/055-064>

EDN: <https://elibrary.ru/BXMMGJ>

Восточноазиатский вектор выстраивания экономических границ

Шичалина Валерия Алексеевна

Сахалинский государственный университет

Южно-Сахалинск. Россия

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток. Россия

Латкин Александр Павлович

Сунь Лимэй

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Рассматривается проблема формирования и утверждения понятия «экономическая граница» с целью приведения международного сообщества к единому мнению, акцентирования внимания на юридических и финансовых аспектах межстрановых взаимоотношений. Авторами устанавливается высокая активность поискового запроса на словосочетание «экономические границы» в международной поисковой платформе за последние 5 лет. Определяется влияние экономических зон на международную политическую и экономическую дипломатию. Приводятся результаты анализа успешности развития особых экономических зон в КНР, Монголии, КНДР, Японии и Южной Корее, а также новых инициатив и проектов этих стран в аспекте реализации экономико-гуманитарной повестки ШОС и БРИКС. Используются методы анализа поисковых запросов, инфографика, методы аналогии и исторической ретроспективы.*

***Ключевые слова:** Восточная Азия, экономическая дипломатия, экономическая граница, поисковый запрос, анализ, инфографика, экономическое зонирование, институциональные условия, государственные инициативы, политические повестки, экономические решения.*

***Для цитирования:** Шичалина В.А., Латкин А.П., Сунь Лимэй. Восточноазиатский вектор выстраивания экономических границ // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 4. С. 55–63. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/055-064>. EDN: <https://elibrary.ru/BXMMGJ>*

Original article

East Asian vector of building economic borders

Valeriia A. Shichalina

Sakhalin State University

Yuzhno-Sakhalinsk. Russia

Far Eastern Federal University

Vladivostok. Russia

© Шичалина В.А., 2025

© Латкин А.П., 2025

© Сунь Лимэй, 2025

Aleksandr P. Latkin**Limei Sun**

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *The article examines the problem of the formation and approval of the concept of "economic border" in order to bring the international community to a common opinion, focusing on the legal and financial aspects of inter-country relations. The authors establish a high activity of the search query for the phrase economic borders in the international search platform over the past 5 years. The influence of economic zones on international political and economic diplomacy is determined. The article presents the results of an analysis of the success of the development of special economic zones in China, Mongolia, North Korea, Japan and South Korea, as well as new initiatives and projects of these countries in the implementation of the economic and humanitarian agenda of the SCO and BRICS. The methods of search query analysis, infographics, methods of analogy and historical retrospect were used in this study.*

Keywords: *East Asia, economic diplomacy, economic border, search query, analysis, infographics, economic zoning, institutional conditions, government initiatives, political agendas, economic decisions.*

For citation: *Shichalina V.A., Latkin A.P., Limei Sun. East Asian vector of building economic borders // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2025. Vol. 17, № 4. P. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/055-064>. EDN: <https://elibrary.ru/BXMMGJ>*

Введение

Современная политическая дипломатия находится на пороге структурных трансформаций. Переломным в классической консервативной дипломатии последних лет, когда до этого международную повестку преимущественно формировали страны запада, стал 2023 г., после которого председателем G20 становится Бразилия, с передачей в последующем этого права Южно-Африканской Республике. Наряду с происходящими переменами параллельно китайской инициативе «Пояс и путь» формируется российская инициатива «Большого Евразийского партнерства», которая объединяет ЕАЭС и ШОС [1]. Восточный экономический форум (ВЭФ) в 2023, 2024 и 2025 гг. во Владивостоке проходит под лозунгом «на Восток» и демонстрирует основную повестку, направленную на интеграцию экономико-политических трендов, которую можно охарактеризовать высказыванием В.И. Ленина: «Политика – концентрированное выражение экономики» [2].

Происходящие политические процессы инициируют исследования проблемы сложившегося противоречия между ключевыми положениями теоретических концепций и реалиями реализации в сфере публичной дипломатии; наблюдается появление нового феномена, такого как «экономическая граница». В отличие от теорий XX столетия, в которых граница с точки зрения «экономического разграничения привилегий» не рассматривалась, с появлением новых потребностей и условий предпринимательства данный феномен приобретает статус самостоятельного термина.

Исходя из этого целью данного исследования является определение на основе анализа поисковых запросов потребности и актуальности феномена «экономической границы» в развитии современной международной политической и экономической дипломатии.

Гипотеза исследования заключается в том, что существующие экономические режимы, такие как «экономические зоны», образуют «экономические границы», которые имеют административные ресурсы над государственным уровнем (над национальным уровнем). С политической точки зрения подобные экономические границы объединяют страны в сообщества типа БРИКС, ШОС и др. С экономической точки зрения приобщение к какому-либо политическому режиму предоставляет экономические бонусы и права, которые распространяются только на страны – участницы альянсов.

Основная часть

Нередко политики в публичных выступлениях упоминают феномен «экономические границы». Эксперты отождествляют его: с восточноазиатским направлением, например «укреплять экономические границы с Китаем» [1], «...Россия видит будущее евразийского партнерства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента...» [3]; с международными экономическими интеграциями, такими как таможенный союз, например «ТС – это союз тех, кто ориентирован на реиндустриализацию, кому нужен расширенный рынок и общие экономические границы для увеличения масштабов своей экономики» [2]. Данную точку зрения также подтверждают ученые авторитетного Института международных отношений (МГИМО, Москва), опубликовавшие доклад на тему академического исследования экономики и политики глобализации: «Концептуальные границы экономики и политики глобальных процессов» [3].

Проведенный авторами настоящей статьи анализ поисковых запросов на международной поисковой платформе в Google Trends показал, что на русском языке словосочетание «экономические границы» за последние пять лет в мировом поиске было активным. Самые активные точки: 2–8 июня 2019 г. – 75 запросов, апрель – август 2020 г. – 76 запросов, 20–26 ноября 2022 г. – 100 запросов, 27 августа – 2 сентября 2023 г. – 59 запросов. Результат инфографики представлен на рис. 1 [4].

Рис. 1. Инфографика поискового запроса словосочетания на русском языке «экономические границы» Google Trends за последние 5 лет

Обращаем внимание на то, что абсолютным регионом поискового запроса является страна Казахстан в аспекте тем: 1) Экономика – Наука; 2) Китай – Страна, Восток Азия. Похожие запросы со сверхпопулярностью: 1) субъект права; 2) периферия; 3) экономические партнеры Казахстана. Объективный вывод заключается в том, что в Казахстане значительная часть населения владеет русским языком, а также в страну переместилась большая часть предпринимательских активностей бизнеса для избежания санкций.

При изменении языка поиска на английский язык словосочетание “economic borders” за последние пять лет в мировом поиске было более активным, так как количество запросов меньше опускалось на нулевой уровень за весь выбранный период. Самые активные точки: 27 марта – 2 апреля 2022 г. – 92 запроса; 24–30 апреля 2022 г. – 97 запросов; 11–17 декабря 2022 г. – 100 запросов; 26 февраля – 6 марта 2023 г. – 91 запрос; 23–29 апреля 2023 г. – 97 запросов; 12–18 ноября 2023 г. – 93 запроса; 10–16 декабря 2023 г. – 95 запросов. Обращаем внимание на то, что абсолютными регионами поискового запроса являются три страны: 1) Филиппины; 2) Соединенные Штаты Америки; 3) Индия, где значительное количество англоговорящего населения. Информация представлена на рис. 2 [5].

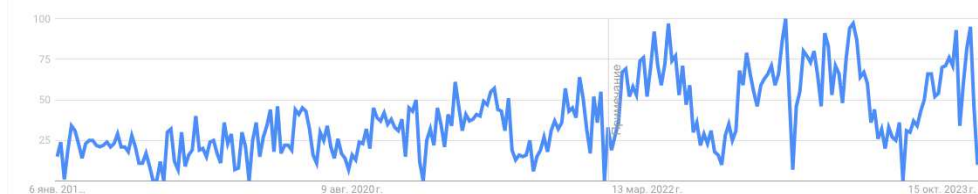

Рис. 2. Инфографика поискового запроса словосочетания на английском языке «economic borders» Google Trends за последние 5 лет

Похожие запросы в тренде “economic borders” со сверхпопулярностью были сформулированы на английском языке:

– “Which was not a challenge faced by America during the start of the WWI? Establishing borders with Canada and Mexico recovering from economic problems building economic ties to Latin America trading with member of both the allied and central powers” (перевод на русский: «С какой проблемой не столкнулась Америка в начале Второй мировой войны? Установление границ с Канадой и Мексикой, восстановление экономических проблем, построение экономических связей с Латинской Америкой, торговля с членами как союзных, так и центральных держав»);

– “Which trade organization is responsible for 90 % of the worlds trade? The EU ASEAN the WTO NAFTA” (перевод на русский: «На какую торговую организацию приходится 90 % мировой торговли? ЕС АСЕАН ВТО НАФТА»);

– “How can a nation benefit from effectively exporting its goods? Its citizens can buy cheaper goods. Its businesses can invest in the future. Its domestic spending increases. Its citizens have more money” (перевод на русский: «Какую выгоду может получить нация от эффективного экспорта своих товаров? Ее граждане могут покупать более дешевые товары. Ее предприятия могут инвестировать в будущее. Ее внутренние расходы увеличатся. У ее граждан больше денег»).

Большинство исследователей и последователей «эпидемии бордеритис» (borderitis), или теории исследования границ, сходятся во мнении о том, что экономические границы можно отождествлять через отношения (производственные) [4]. Благодаря отношениям границы формируются над пространственным уровнем, а производственные отношения строятся на основании нужд и потребностей бизнеса, которые выстраиваются в цепи, что также соответствует концепции трансграничных инвестиционных стратегий [5]. Пограничные противоречия удастся преодолеть благодаря разделению экономических и идеологических функций границы [6].

Вследствие вышесказанного феномену экономической границы можно дать определение: это формирование самостоятельной экономической среды на определенной географической территории, обособленной зоны (одной или нескольких), позволяющей получать выгоду на отличных от других законных основаниях. Эксперты выделяют зоны в качестве институциональных норм и ограничений, например экономические зоны: зоны свободной торговли, зоны специальной торговли, специальные экономические зоны. Данная форма реализации экономических границ, по нашему мнению, является современным инструментом реализации экономической дипломатии. Похожее мнение мы находим у L. Soproni [7]: «экономическое пространство, ограниченное границей, характеризуется отношениями, которые устанавливаются между экономическими субъектами, а также между ними и государственными институтами, которые устанавливают и обеспечивают соблюдение экономических правил, управляющих обществом».

Вместо разработки однозначного принципа разделения границ для их демаркации было бы более уместно взглянуть на положительную сторону границ как на источник социально-экономических возможностей или как на привлечение инвестиций в принимающую экономику (прямые иностранные инвестиции – ПИИ), в экономические зоны [8].

Контроль, защита прав и ответственность за передвижение инвестиций и инвесторов на международных границах стали возможными во второй половине XX в. при заключении Вашингтонской конвенции об урегулировании инвестиционных споров (1965) и Саульской конвенции об учреждении многостороннего агентства по инвестиционным гарантиям (1985). Гарантированная безопасность инвесторов позволила реализовывать креативные политические решения для развития региональных экономик.

Регион Восточной Азии (Китай, Монголия, КНДР, Южная Корея, Япония) будет первым в реализации повестки мирового экономического зонирования.

В последние годы КНР стала безусловным лидером в экономическом зонировании: специальные экономические зоны (4); зоны по технико-экономическому развитию (90); зоны внедрения новых и высоких технологий (54); свободные таможенные зоны Китая (13); особые региональные зоны приграничного сотрудничества (14); Шанхайская экспериментальная зона свободной торговли [9].

В настоящее время на территории Японии выделяется несколько отличных от традиционных экономических зон типов, а именно: национальные стратегические специальные зоны (10); особые зоны международного значения (7) и особые зоны регионального значения (41); инновационные промышленные кластеры (технопарки) (18) [6].

На территории Корейской Народно-Демократической Республики действуют зоны экономического развития, являющиеся аналогом китайских «реформ открытости»: на сегодняшний день функционируют 23 зоны [10].

На территории Южной Кореи специализированные экономические зоны создаются с 1970-х гг. В настоящее время они разделяются на три типа: зоны иностранных инвестиций, зоны свободной торговли и свободные экономические зоны (СЭЗ). Всего в Южной Корее действует 8 СЭЗ [11].

В настоящее время в Монголии существует четыре свободные зоны, из которых активно действуют зоны Цагааннуур, Алтанбулаг и Замын-Ууд. Согласно постановлению от 2022 г. № 10 Великого Государственного хурала Монголии, под эгидой нового международного аэропорта имени Чингисхана в Сергелен Сум, Тув Аймак была создана экономическая свободная зона в долине Хушиг.

Экономические зоны являются предложениями для потенциальных инвесторов, содержат инструменты стимулирования финансовых вложений в бизнес. Вследствие этого вводится финансовая политика: налоговые льготы и вычеты, пользование промышленными землями, облегченная миграционная политика, что способствует развитию местной экономики [12]. Подобные экономические решения диктуются политическим влиянием.

С 1979 г. Дэн Сяопином были инициированы экономические реформы: курс на открытость, заимствование инноваций (имитация инноваций), обновление промышленности и др. [13]. Правительство Китая выступило с креативным предложением на мировом рынке для привлечения иностранных денежных потоков: они определили географические территории (на 1980 г.: Шэньчжэн, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь в южных приморских провинциях Гуандун и Фуцзянь) и установили там административные налоговые преференции, которые стали привлекательными для иностранных инвесторов, при этом протекционистскими для региональной экономики.

Япония стала использовать экономические зоны для достижения внутренних целей с середины XX в. С целью развития экономики, в частности стимулирования импорта, с 1991 г. правовым обоснованием стал закон «О валютных операциях и внешней торговле», который позволил действовать экономическим зонам в портах и аэропортах [14].

Общепринятая практика показывает, что политика и экономика взаимодействуют в зонах, как и везде, и что политические силы оказывают решающее влияние на развитие экономических зон [15].

Перспективы развития торгово-экономических отношений на основе экономических зон способствовали улучшению международного сотрудничества Монголии с зарубежными странами: создание совместной свободной зоны с Китаем в Замын-Ууде, инвестиции Польши в Алтанбулаг [16], сотрудничество в экономических проектах ШОС. СЭЗ «Алтанбулаг» стала интересна российскому бизнесу в первую очередь как транспортно-логистический центр, который позволит рассмотреть возможность строительства здесь складских помещений для накопления продукции как для дальнейшего экспорта в Монголию, так и ввоза товаров в Россию. Прямые иностранные инвестиции способствуют развитию туристического потока и увеличению заинтересованности в Монголии на мировой арене. Государственная программа «Visit Mongolia» распространяет режим «без виз» для 62 государств; с ее помощью до 2025 г. планируется привлечь около 1 млрд долл. туристической отрасли.

Монголия является страной-наблюдателем в ШОС и сознательно выбирает такую позицию, чтобы укреплять двусторонние отношения со всеми сторонами, не вступать в геополитические конфликты и не тратить ограниченные ресурсы на их решение [17]. Важным моментом является то, что Китай как лидер ШОС проводит мощную трансформационную логистическую кампанию «Пояс и путь», продвигая стратегию транспортно-логистических (экономических) коридоров. В контексте политико-экономического взаимодействия наблюдается стабильная центрально-азиатская триада: «Китай – Монголия – Россия» под единым транспортным коридором. В рамках этого трехстороннего сотрудничества планируется разработка и строительство газопровода, который является второй крупной инфраструктурой, соединяющей наши три страны с 1955 г. Кроме того, Монголия планирует стать полноправным членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В связи с этим экономические зоны должны способствовать достижению критериев, необходимых для членства в ЕАЭС, что было закреплено в Меморандуме о сотрудничестве между ЕАЭС и Монголией [7].

Актуальный проект Правительства КНР «Один пояс, один путь» (или «Пояс и путь», в зависимости от стиля перевода) заявляет о себе как о строителе новой архитектуры международных отношений и всемирного управления. Инициатива реализуется за счет формирования экономических коридоров, экономических зон, приграничного сотрудничества и прочих экономических интеграций во множестве областей и производственных сфер, а не за счет «регулируемой либерализации и приватизации в однополярном мире». Как отмечают Dunford & Liu, приветствуется «двустороннее, трехстороннее, региональное и многостороннее сотрудничество, при котором страны делают упор на искоренение нищеты, создание рабочих мест, устранение последствий международных финансовых кризисов, содействие устойчивому развитию и продвижение рыночной трансформации промышленности и диверсификации экономики» [18]. Это подтверждается документом «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» [8], согласно которому «страны, расположенные вдоль «Пояса и пути», обладают ресурсными преимуществами, а их экономики дополняют друг друга» [19].

Инициатива «Один пояс, один путь» – это инновационная теория региональной экономической интеграции [20]. Несмотря на то, что правительство Китая сотрудничает с Азиатским банком развития, Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, Европейским инвестиционным банком, отмечается, что финансовая кооперация «Пояса и пу-

ти» осуществляется не на уровне наднациональных финансовых институтов, а на микро- и макроуровне. Особенность таких инвестиционных инициатив заключается в том, что их осуществление производится в странах, продольных «Поясу и пути», следовательно, экономический рост будет равносторонний и зеркальный.

«Пояс и путь» могут стать самой длинной экономической границей, которая поддерживается «мягкой» силой КНР для стран на маршрутном пути в аспекте реализации экономико-гуманитарной повестки ШОС и БРИКС. Благодаря такой масштабной инициативе Китай готов к технологическому построению инфраструктурных связей с остальной частью Азии, Европой и Африкой [21]. Россия и Монголия выступают ближайшими соседями и партнерами в реализации этой миссии.

Япония является третьей экономической державой в мире после США и Китая и второй по объемам взносов в бюджеты международных организаций ООН и МВФ после США. Внешние ориентиры Японии направлены больше в сторону Вашингтона и европейских стран и поддержку ВТО. В противовес «Поясу и пути» в 2018 г. было подписано масштабное соглашение между Европейским союзом и Японией – соглашение о зоне свободной торговли стран ЕС и Японии (Japan-EU Free Trade Agreement, JEFTA), что также будет способствовать притоку в Японию ПИИ и обеспечит ее необходимыми прямыми иностранными инвестициями. Вследствие этого необходимые денежные потоки обеспечиваются особыми нетрадиционными экономическими зонами [9].

Заключение

Согласно отчету о мировых инвестициях, рейтинг стран мира по уровню притока прямых иностранных инвестиций, составленный группой Всемирного банка, МВФ и ЮНКТАД, выглядит следующим образом: Китай занимает 2-е место, Гонконг – 3-е место, Бразилия – 6-е место, Российская Федерация – 9-е место [10]. Первое место отдано США, что вполне справедливо.

Следовательно, допустимо сделать вывод о формировании второго «восточно-БРИКСного» лагеря распределения экономико-политического потенциала, обоснованного притоком иностранных инвестиций для формирования инфраструктурных проектов, повестки международных деловых отношений. В частности, Китайская инициатива «Пояса и пути», благодаря протяженности проекта и включения в него продольных стран-участниц, формирует фактическую экономическую границу, обоснованную «мягкой» силой донора инвестиций в принимающие страны, таким образом, конструируя модернизируемую экономическую карту Евразии.

Однако направление экономических границ заставляет задуматься о национальной безопасности. Государство в обмен на пользование экономическими ресурсами территорий получает прямые иностранные инвестиции. Спрос рождает предложение, но в реалиях турбулентного настоящего времени на мировом рынке экономических зон мы наблюдаем «торговлю экономическими границами» различных государств.

Список источников

1. Сафранчук И.А. Глобализация в головах. Центральная Азия и евразийская интеграция // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. С. 120–126. URL: https://mgimo.ru/library/publications/1013294/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
2. Сафранчук И.А. Российская политика в Центральной Азии. Стратегический контекст // Записка Аналитического центра Обсерво. 2014. № 8. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/1011359/>
3. Олейнов А.Г. Концептуальные границы экономики и политики глобальных процессов // «25 лет внешней политике России»: сб. матер. X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 4. Россия и современный мир: экономика и право. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А.В. Малыгина; [науч. ред.:

- И.Н. Платонова и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований. Москва: МГИМО – Университет, 2017. С. 350–359. URL: https://mgimo.ru/library/publications/25let_vneshnei_politike_rossii_sb_materialov_kh_konventa_rami_moskva_8_9_dekabrya_2016_g_v_5_t_t_4_r/
4. Орлов А.В. Общесоциологическое понятие – базовая основа современной политической экономики // Евразийский международный научно-аналитический журнал. Проблемы современной экономики. 2013. № 2 (46). С. 38–40. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4515>
 5. Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / под ред. Е.А. Коломак. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2020. 502 с.
 6. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатров. Москва: КомКнига, 2005. 432 с. URL: http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/titul.htm
 7. Soproni L. The economic borders in the age of globalization. The frontier worker – new perspectives on the labor market in the border regions. С.Н. BECK Bucharest, 2013. P. 53–62.
 8. Arieli T. Borders, conflict and security // Int J Conflict Manag. 2016. № 27 (4). P. 487–504.
 9. Аршинов В.М. Свободные экономические зоны Китая: опыт интеграции финансовых, научно-производственных и человеческих ресурсов // Журнал прикладных исследований. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-kitaya-opyt-integratsii-finansovyh-nauchno-proizvodstvennyh-i-chelovecheskih-resursov>
 10. Демина Я.В. Зоны экономического развития КНДР: перспективы функционирования в условиях санкций // Регионалистика. 2019. Т. 6, № 4. С. 64–75. DOI: 10.14530/reg.2019.4.64
 11. Special economic zones of the Republic of Korea: the mechanism and features of functioning / A.Yu. Zorina, V.A. Egorichev, P.I. Malyarchuk [и др.] // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2019. 9 (6A). P. 158–164.
 12. Chuanmin Zhao, Xi Qu. Place-based policies, rural employment, and intra-household resources allocation: Evidence from China's economic zones // Journal of Development Economics. 2024. Vol. 167. ISSN 0304-3878. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2023.103210>
 13. Wang Xizhe. Free economic zones of China: the history & present // Information and Innovations. 2020. Т. 15, No 4. P. 84–90. DOI: 10.31432/1994-2443-2020-15-4-84-90
 14. Зименков Р.И. Свободные экономические зоны в Японии // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-v-yaponii>
 15. George T., Armonk C. The political economy of China's special economic zones // Journal of Comparative Economics. 1992. Vol. 16, Iss. 1. P. 172, 173. ISSN 0147-5967. URL: [https://doi.org/10.1016/0147-5967\(92\)90123-O](https://doi.org/10.1016/0147-5967(92)90123-O)
 16. Дэлгэрцэцэг Унубилэгт. Состояние свободных экономических зон Монголии на примере свободной экономической зоны Замын-Ууд // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 46. С. 55–65. URL: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.55>
 17. Bolor Lkhaajav. Why Mongolia Is Steering Clear of Full Membership in the SCO // The Diplomat. 2022. September 16. URL: <https://thediplomat.com/2022/09/why-mongolia-is-steering-clear-of-full-membership-in-the-sco/>
 18. Dunford M. & Liu W. Chinese perspectives on the Belt and Road Initiative // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2019. № 12. P. 145–167. URL: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsy032>
 19. Liu W., Dunford M., Gao B. The discursive construction of the Belt and Road Initiative: From neo-liberal to inclusive globalization // Journal of Geographical Sciences. 2018. № 28 (9). P. 1199–1214. URL: <https://doi.org/10.1007/s11442-018-1520-y>
 20. Li X. The absence of Asian regional economic integration and the development orientation of the Belt and Road // Soc. Sci. China. 2019. № 40 (1). P. 132–147. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02529203.2019.1556484>
 21. Xue L. & Weng L. Connecting hearts before connecting roads. In Common prosperity global views on belt and road initiative. China Intercontinental Press, 2019. P. 96–101.

References

1. Safranchuk I.A. Globalization in the heads. Central Asia and Eurasian integration. *Russia in global politics*. 2015; (1): 120–126. URL: https://mgimo.ru/library/publications/1013294/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
2. Safranchuk I.A. Russian policy in Central Asia. Strategic context. *Note by Observo Analytical Center*. 2014; (8). URL: <https://mgimo.ru/library/publications/1011359/>
3. Oleinov A.G. Conceptual boundaries of the economy and the policy of global processes. "25 years of Russian foreign policy": *Sat. mater. X Convention RAMI (Moscow, December 8–9, 2016)*. In 5 vol. 4. *Russia and the modern world: economy and law. At 2 h. Part 1/under the general. ed. A.V. Malgin; [scientific. ed.: I.N. Platonova et al.]; Mosk. State Institute of International Relations (un-t) Foreign del Ros. Federations, Ros. Association of International Studies*. Moscow: MGIMO – University; 2017. P. 350–359. URL: https://mgimo.ru/library/publications/25let_vneshnei_politike_rossii_sb_materialov_kh_konventa_ami_moskva_8_9_dekabrya_2016_g_v_5_t_t_4_r/
4. Orlov A.V. Sociological concept – the basic basis of modern political economy. *Eurasian International Scientific and Analytical Journal. Problems of the modern economy*. 2013; 2 (46): 38–40. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4515>
5. Spatial development of modern Russia: trends, factors, mechanisms, institutions / ed. E.A. Kolomak. Novosibirsk: Publishing House IEOPP SB RAS; 2020. 502 p.
6. World politics: theory, methodology, applied analysis / resp. ed. A.A. Kokoshin, A.D. Bogaturov. Moscow: KomKniga; 2005. 432 p. URL: http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/titul.htm
7. Soproni L. The economic borders in the age of globalization. The frontier worker – new perspectives on the labor market in the border regions. C.H. BECK Bucharest; 2013. P. 53–62.
8. Arieli T. Borders, conflict and security. *Int J Conflict Manag.* 2016; 27 (4): 487–504.
9. Arshinov V.M. Free economic zones of China: experience in the integration of financial, scientific, production and human resources. *Journal of Applied Research*. 2019; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-kitaya-opyt-integratsii-finansovyh-nauchno-proizvodstvennyh-i-chelovecheskih-resursov>
10. Dyomina Y.V. Zones of economic development of the DPRK: prospects for functioning under sanctions. *Regionalism*. 2019; 6 (4): 64–75. DOI: 10.14530/reg.2019.4.64
11. Special economic zones of the Republic of Korea: the mechanism and features of functioning / A.Yu. Zorina, V.A. Egorichev, P.I. Malyarchuk [et al.]. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2019; 9 (6A): 158–164.
12. Chuanmin Zhao, Xi Qu. Place-based policies, rural employment, and intra-household resources allocation: Evidence from China's economic zones. *Journal of Development Economics*. 2024; (167). ISSN 0304-3878. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2023.103210>
13. Wang Xizhe. Free economic zones of China: the history & present. *Information and Innovations*. 2020; 15 (4): 84–90. DOI: 10.31432/1994-2443-2020-15-4-84-90
14. Zimenkov R.I. Free economic zones in Japan. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2006; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-v-yaponii>
15. George T., Armonk C. The political economy of China's special economic zones. *Journal of Comparative Economics*. 1992; 16 (1): 172, 173. ISSN 0147-5967. URL: [https://doi.org/10.1016/0147-5967\(92\)90123-O](https://doi.org/10.1016/0147-5967(92)90123-O)
16. Delgärcätäg Unubilägt. The state of the free economic zones of Mongolia on the example of the free economic zone Zamyn-Uud. *Izvestia Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*. 2023; (46): 55–65. URL: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.55>
17. Bolor Lkhaajav. Why Mongolia Is Steering Clear of Full Membership in the SCO. *The Diplomat*. 2022; September 16. URL: <https://thediplomat.com/2022/09/why-mongolia-is-steering-clear-of-full-membership-in-the-sco/>
18. Dunford M. & Liu W. Chinese perspectives on the Belt and Road Initiative. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2019; (12): 145–167. URL: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsy032>
19. Liu W., Dunford M., Gao B. The discursive construction of the Belt and Road Initiative: From neo-liberal to inclusive globalization. *Journal of Geographical Sciences*. 2018; 28 (9): 1199–1214. URL: <https://doi.org/10.1007/s11442-018-1520-y>

20. Li X. The absence of Asian regional economic integration and the development orientation of the Belt and Road. *Soc. Sci. China*. 2019; 40 (1): 132–147. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02529203.2019.1556484>
21. Xue L. & Weng L. Connecting hearts before connecting roads. In *Common prosperity global views on belt and road initiative*. China Intercontinental Press; 2019. P. 96–101.

Информация об авторах:

Шичалина Валерия Алексеевна, канд. экон. наук, начальник отдела международных связей Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск; доцент Департамента информационной безопасности Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, e-mail: lerashichalina@ya.ru

Латкин Александр Павлович, д-р экон. наук, профессор, руководитель Института подготовки кадров высшей квалификации Владивостокского государственного университета, г. Владивосток, e-mail: aleksandr.latkinp@vvsu.ru

Сунь Линэй, аспирант, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, e-mail: 350260918@qq.com

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-4/055-064>

EDN: <https://elibrary.ru/BXMMGJ>

Дата поступления:
24.06.2025

Одобрена после рецензирования:
14.11.2025

Принята к публикации:
17.11.2025